

Свищёва Анна Николаевна

Svishcheva Anna Nikolaevna

аспирантка кафедры современной социологии
социологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

PhD student,
Contemporary Sociology Subdepartment,
Sociology Department,
Lomonosov Moscow State University

ГРУППОВАЯ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДЕПРИВАЦИЯ: СЕТЕВЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ

GROUP RELATIVE DEPRIVATION: NETWORK APPROACHES TO THE IDENTITY FORMATION

Аннотация:

В статье рассматриваются сетевые подходы к проблемам формирования коллективной идентичности с позиции микро- и макроуровня. Согласно реляционной теории плотные, сильные, сложные, взаимные связи индивидов образуют социально сплоченные и относительно изолированные сети, создающие условия для развития общей культуры и идентичности. В связи с этим исследовалась тенденция близких друг к другу индивидов усваивать схожие установки/поведение к третьей стороне. В рамках позиционного подхода источником коллективной идентичности представлено осознание одинакового положения в сети, результатом которого выступает схожее видение мира. Также изучена роль брокеров, соединяющих сетевые сегменты в одну систему, в производстве единой идентичности. С опорой на теорию критической массы М. Грановеттера и его концепцию «силы слабых связей» анализировалось влияние сетевых характеристик и типов сетей среди населения с разным уровнем мотивации на уровень последующего протестного участия.

Ключевые слова:

относительная депривация, анализ социальных сетей, коллективная идентичность, общественное движение.

Summary:

Network approaches to the problems of collective identity formation are considered from the perspective of the micro and macro levels. From the standpoint of the relational approach, dense, strong, complex, mutual ties of individuals form socially cohesive and relatively isolated networks that create the environment for the common culture and identity development. In this regard, the researchers examined the tendency of strongly connected individuals to internalize similar attitudes/behaviors to a third party. Within the positional approach, the awareness of the same position in the network resulted in the same vision of the world was considered as the source of collective identity. In addition, the author discussed the role of brokers integrating network segments into one system in the formation of a single identity. Based on the theory of critical mass by M. Granovetter and his concept of the strength of weak ties, the researchers analyzed the impact of the network characteristics and types of networks among the population with different motivation levels on the degree of the subsequent protest participation.

Keywords:

relative deprivation, social network analysis, collective identity, social movement.

Актуальность исследования относительной депривации не угасает до сих пор. Получают объяснения такие явления, как общественные движения, в том числе националистические, революции, межэтническое предубеждение и даже терроризм [1]. Одним из ключевых вопросов теории относительной депривации выступают проблемы восприятия несправедливости положения собственной группы в целом (а не своей уникальной ситуации), ведущего к поиску коллективных стратегий по ее преодолению. В связи с этим основатели концепции подчеркивали важность исследования формирования коллективной идентичности недовольных [2].

На значимость изучения сетей относительно данной проблемы указывали еще теоретики фреймов/рамки коллективных действий [3], с точки зрения которых возникновение коллективной идентичности – процесс достижения резонанса когнитивных рамок движения с рамками индивидов. По мнению представителей этой концепции, при принятии рамок движения индивидуальная несправедливость становится групповой и одну из главных ролей в таком случае играют социальные сети индивида.

Сам анализ социальных сетей как отдельное направление начал последовательно развиваться с 1970-х гг., чему вместе с социометрией Дж. Морено в значительной мере послужили антропологические исследования 1950–1960-х гг. и распространение работ Г. Зиммеля. В целом в рамках данной теории можно выделить два подхода к пониманию условий формирования коллективной идентичности: реляционный и позиционный.

В частности, в рамках первой трактовки рассматриваются такие характеристики социальной сети, как плотность, сила, симметричность или взаимность, сложность связей [4]. Поэтому в центре реляционного подхода находится изучение социальной сплоченности и клика [5], которые образуют относительно изолированные сети, способствующие развитию общей культуры и идентичности [6]. Примечательно, что в рамках данного учения с точки зрения плотности, сложности,

частоты отношений исследовались не только непосредственные связи индивидов друг с другом, но и опосредованные, проявляющиеся в участии в одних и тех же событиях, членстве в одинаковых группах. Некоторые представители данного подхода были не согласны с этим, утверждая, что подобные отношения можно анализировать только среди акторов, также находящихся в непосредственном взаимодействии.

В рамках позиционного подхода источником коллективной идентичности считается осознание структурной эквивалентности (или стрэк) [7], результатом которого выступает одинаковое видение мира [8]. Стоит подчеркнуть, что структурно эквивалентные отношения могут как совпадать с социальной сплоченностью, что допускает выбор исследователем предпочитаемого подхода для объяснения, так и противоречить друг другу. Кроме того, с точки зрения позиционной концепции изучалась роль брокеров в производстве культуры и формировании идентичности [9]. Менее строгим критерием стрэк, примиряющим эти два подхода, служит теория категориальной сети [10], подразумевающей одинаковые отношения индивидов (роли), реализуемые в сети взаимосвязанных клик. Это позволяет акторам не проследивать длинную цепь взаимосвязей, но воспринимать некоторое внутреннее единство.

Например, Р. Гоулд, рассматривая восстание в защиту Парижской коммуны 1871 г., указывал на сложность связей, которые сформировали сильную идентичность, ставшую основой сопротивления версальской армии [11]. В частности, система мобилизации в национальную гвардию была устроена таким образом, что люди с одной улицы в буквальном смысле служили в одном батальоне. Если на второй день последней кровавой недели на всех арестованных в данных батальонах приходилась лишь четверть, то в добровольческих батальонах (не базирующихся на сетях соседства) – почти половина. М. Дайани выявил три модели мобилизации в движение зеленых 1980-х гг. в Милане: через личные связи с активистами (друзьями, знакомыми, родными), возникшие вне зависимости от контекста движения (пример социальной сплоченности); через личные связи с активистами движения в рамках определенных организаций (взаимное усиление социальной сплоченности и стрэк); через членство в организациях (некоторые из них целиком составили базу движения, пример: стрэк) [12]. На основе этих выводов М. Дайани заключает, что мобилизация в более радикальные движения через связи первого типа менее вероятна, если они не существуют в рамках сильной контркультурной среды.

Кроме того, ученые подчеркивали роль брокеров при формировании сильной идентичности. Согласно М. Дайани, к 1980-м гг., когда движение зеленых достигло пика, сложившиеся культурные реалии создали условия для множественного членства активистов в ключевых организациях движения, посредством которого распространялись солидарность и взаимное доверие среди различных групп. По Дж. Паджетту и К. Анселлу [13], победа партии Медичи после упадка политического влияния семьи основывалась на ее изменившейся структурной позиции: с 1427 г. высокое положение и престижность достигались не только посредством брачных стратегий, но и через денежные вливания и патронаж с помощью соседских экономических контактов с «новыми» людьми (от которых закрылась партия «олигархов»). Соединяя данные сети в одну, семья Медичи смогла стать мощным политическим актором, несмотря на гомогенность, сложность и кликовую структуру сети партии «олигархов».

В основу подхода социальной сплоченности легли теории групповых динамик, в рамках которых исследовались особенности нормативного давления сильно связанных индивидов. В частности, условия межперсонального баланса Ф. Хейдера [14], формализованные при помощи графов [15] в работах Д. Картврайта и Ф. Харари [16], позволили изучать групповые отношения и динамику с точки зрения каждого актора. Центром анализа ученые сделали простейшую группу, состоящую из трех акторов, на основе характеристик которой делались заключения о более крупных структурах. Баланс существует в триаде, где все отношения между акторами положительные или одно положительное и два отрицательных: например А и Б друзья, но А и С, Б и С объединяют негативные отношения. Чем более близкие отношения акторов в группе, тем более болезненным для них будет переживание состояния дисбаланса. В связи с этим определена тенденция индивидов усваивать схожие установки/поведение к третьей стороне: другому индивиду, мнению или событию.

Данные достижения использовались в рамках социологии общественных движений. Например, К.-Д. Опп предложил использовать теорию баланса Ф. Хейдера для разработки гипотез о способах преодоления дисбаланса при формировании коллективной идентичности [17]. Он расширил понимание, указав, что существуют степени дисбаланса, а также предложив стратегии по достижению баланса: когнитивную реорганизацию установок или разрыв/снижение интенсивности отношений. Индивид будет реализовывать те изменения, которые наименее затратны и наиболее предпочтительны, что зависит от степени интенсивности его отношения к сторонам, от количества отношений, которые необходимо трансформировать для достижения баланса, и от вектора данных отношений (изменение негативного отношения на положительное предпочтительнее). Рассматривая ситуации с различающимися условиями, К.-Д. Опп разраба-

тывал гипотезы, позволяющие устанавливать, какие стратегии вероятнее всего в сети, состоящей из нескольких триад, в ситуациях симпатии или сильной приверженности индивида движению при наличии различающихся взглядов друзей и (или) неполной согласованности с утверждениями рамки движения. При этом К.-Д. Опп допускал применение данной теории к объяснению участия в коллективном действии [18].

Однако существовали и ограничения в рассматриваемом подходе. Так, данные закономерности могут не наблюдаться вследствие институциональных, экономических и политических ограничений. Кроме того, логика подхода отрицает возможность мобилизации и формирования идентичности вне сильных сплоченных связей, что не соответствует реалиям.

В рамках второго подхода исследователи обращаются к особенностям создания и усиления коллективной идентичности на макроуровне, где сеть может быть представлена как соединение брокерами через слабые связи (мосты) структурно эквивалентных сегментов разной степени сплоченности. Представители данной концепции отталкивались от теории критической массы М. Грановеттера [19], согласно которой участие некоторой доли населения в зависимости от уровня мотивации может вызвать снежный ком активности. В связи с этим определялось влияние таких сетевых характеристик, как особенность сочетания сильных и слабых связей, размер сети, наличие лидеров, а также разных типов сетей на их основе. Для подтверждения старых гипотез и постановки новых ученые использовали динамическое моделирование в специализированных программах, анализируя положительное и негативное влияние параметров соответствующих типов сетей среди населения с разными уровнем мотивации и величиной отклонения от ее среднего значения на уровень последующего протестного участия и на скорость его распространения. Подробнее ключевые положения данного подхода рассмотрены в предыдущей работе [20].

В заключение подчеркнем, что традиция исследования относительной депривации, основывающаяся на символическом интеракционизме, изначально предполагает два аспекта формирования коллективной идентичности: объективное влияние структуры/культуры и собственную активность индивидов по ее конструированию. Упор на первый из них делался в анализе социальной сети: в рамках макроподхода с точки зрения влияния сетевых характеристик на ее развитие и в рамках микроподхода с позиции особенностей ее принятия на индивидуальном уровне. Некоторые черты второго аспекта раскрывались в специфике положения лидера или брокера в сети, позволяющего им быть источником относительно независимых решений.

В получившей с 1990-х гг. развитие реляционной социологии делается акцент на диалектической взаимосвязи данных аспектов, дуализм социальных отношений и культурных формирований отменяется [21]. В центре внимания оказывается культурно конструируемая, динамичная, постоянно изменяющаяся коллективная идентичность, развивающаяся в ответ на вызовы и конфликты в результате взаимодействия индивидов как носителей различных идентичностей. В итоге две стратегии по ее развитию (смена конвенций, правил восприятия и интерпретаций (теория рамок коллективных действий) и расширение социальной сети идентичности (анализ социальных сетей)) объединяются.

Ссылки и примечания:

1. Коротаяев А.В. Кривая Дэйвиса на Украине? [Электронный ресурс] // Полит.ру: информационно-аналитический портал. 2014. 9 апр. URL: <http://polit.ru/article/2014/04/09/ukraine> (дата обращения: 05.06.2018) ; Relative deprivation: specification, development, and integration / ed. by I. Walker, H. Smith. Cambridge, 2002. 379 p.
2. Runciman W. Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth century England. L., 1966. 338 p. ; Urry J. Reference groups and the theory of revolution. L., 1973. 244 p.
3. Klandermans B. The social psychology of protest. Oxford, 1997. 257 p.
4. Понятие силы связей характеризует отношения с относительно частым взаимодействием, продолжительностью, эмоциональной интенсивностью, взаимностью либо как исключительно эмоционально близкие. Сложные связи включают в себя отношения нескольких типов (например, коммуникационные и аффективные), наблюдающиеся у акторов.
5. Социальная сплоченность – взаимная и сильная связь (прямая или непрямая) всех членов группы. Клика – взаимная сильная и прямая связь всех членов группы, к которой не может быть прибавлен еще один актер, непосредственно, сильно и взаимно связанный со всеми членами группы.
6. Medical Innovation / J. Coleman, E. Katz et al. Indianapolis, 1966. 246 p. ; Wellman B., Leighton B. Networks, neighborhoods and communities // Urban Affairs Quarterly. 1979. Vol. 14, no. 3. P. 363–390.
7. Структурная эквивалентность – разделение двумя или более актерами, которые необязательно связаны друг с другом, одинаковых отношений к третьей стороне (например, два ребенка, одинаково популярные среди одних и тех же детей).
8. Burt R. Toward a structural theory of action. N. Y., 1982 ; Lorrain F., White H. Structural equivalence of individuals in social networks // Journal of Mathematical Sociology. 1971. Vol. 1, no. 1. P. 49–80.
9. Брокера можно определить как структурно уникального актора, соединяющего отстоящие сетевые сегменты, не являющиеся по отношению друг к другу структурно эквивалентными, в одну систему сегментов, которая может стать структурно эквивалентной на более высоком уровне.
10. White H. Notes on the constituents of social structure // Sociologica. 2008. No. 1. P. 1–14.
11. Gould R. Multiple networks and mobilization in the Paris Commune, 1871 // American Sociological Review. 1991. Vol. 56, no. 6. P. 716–729.

12. Diani M. Green networks. A structural analysis of the Italian environmental movement. Edinburgh, 1995. 221 p.
13. Padgett J., Ansell C. Robust action and the rise of the Medici, 1400–1434 // *American Journal of Sociology*. 1993. Vol. 98, no. 6. P. 1259–1319.
14. Heider F. *The Psychology of Interpersonal Relations*. N. Y., 1958. 322 p.
15. Представленная графически сеть, состоящая из вершин и соединяющих их линий: сплошных (если отношения положительные) и прерывистых (если отрицательные).
16. Cartwright D., Harary F. Structural balance: a generalization of Heider's theory // *Psychological Review*. 1956. Vol. 63, no. 5. P. 277–292.
17. Opp K.-D. *Theories of political protest and social movements: a multidisciplinary introduction, critique, and synthesis*. L., 2009. 403 p.
18. По нашему мнению, только согласование всех ключевых компонентов рамки движения может способствовать мобилизации и дальнейшему усилению чувства коллективной идентичности. Так, мобилизация индивида, который вполне разделяет основные положения движения, но несколько не верит в его эффективность либо не одобряет способы достижения цели, маловероятна.
19. Granovetter M. Threshold models of collective behavior // *American Journal of Sociology*. 1978. Vol. 83, no. 6. P. 1420–1443.
20. Свищёва А.Н., Манцева Е.Р. Знание в социальных сетях: формирование идентичности депривированных // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 3. С. 31–38.
21. Mische A. *Partisan publics: communication and contention across Brazilian youth activist networks*. Princeton, 2007. 458 p. ; White H.C. *Identity and Control: How Social Formations Emerge*. Princeton, 2008. 427 p.

References:

- Burt, R 1982, *Toward a structural theory of action*, New York.
- Cartwright, D & Harary, F 1956, 'Structural balance: a generalization of Heider's theory', *Psychological Review*, Vol. 63, no. 5, pp. 277–292. <https://doi.org/10.1037/h0046049>.
- Coleman, J & Katz, E (et al.) 1966, *Medical Innovation*, Indianapolis, 246 p.
- Diani, M 1995, *Green networks. A structural analysis of the Italian environmental movement*, Edinburgh, 221 p.
- Gould, R 1991, 'Multiple networks and mobilization in the Paris Commune, 1871', *American Sociological Review*, Vol. 56, no. 6, pp. 716–729. <https://doi.org/10.2307/2096251>.
- Granovetter, M 1978, 'Threshold models of collective behavior', *American Journal of Sociology*, Vol. 83, no. 6, pp. 1420–1443. <https://doi.org/10.1086/226707>.
- Heider, F 1958, *The Psychology of Interpersonal Relations*, New York, 322 p.
- Klandermans, B 1997, *The social psychology of protest*, Oxford, 257 p.
- Korotaev, AV 2014, 'Is it J-curve in Ukraine?', *Polit.ru: informatsionno-analiticheskiy portal*, April 9, viewed 05 June 2018, <<http://polit.ru/article/2014/04/09/ukraine>>, (in Russian).
- Lorrain, F & White, H 1971, 'Structural equivalence of individuals in social networks', *Journal of Mathematical Sociology*, Vol. 1, no. 1, pp. 49–80. <https://doi.org/10.1080/0022250x.1971.9989788>.
- Mische, A 2007, *Partisan publics: communication and contention across Brazilian youth activist networks*, Princeton, 458 p.
- Opp, K-D 2009, *Theories of political protest and social movements: a multidisciplinary introduction, critique, and synthesis*, London, 403 p.
- Padgett, J & Ansell, C 1993, 'Robust action and the rise of the Medici, 1400–1434', *American Journal of Sociology*, Vol. 98, no. 6, pp. 1259–1319. <https://doi.org/10.1086/230190>.
- Runciman, W 1966, *Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth century England*, London, 338 p.
- Svishcheva, AN & Mantseva, ER 2018, 'Knowledge in social networks: identity formation of deprived people', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, No. 3, pp. 31-38. <https://doi.org/10.24158/tpor.2018.3.6>.
- Urry, J 1973, *Reference groups and the theory of revolution*, London, 244 p.
- Walker, I & Smith, H (eds.) 2002, *Relative deprivation: specification, development, and integration*, Cambridge, 379 p.
- Wellman, B & Leighton, B 1979, 'Networks, neighborhoods and communities', *Urban Affairs Quarterly*, Vol. 14, no. 3, pp. 363–390. <https://doi.org/10.1177/107808747901400305>.
- White, HC 2008a, *Identity and Control: How Social Formations Emerge*, Princeton, 427 p.
- White, HC 2008b, 'Notes on the constituents of social structure', *Sociologica*, No. 1, pp. 1–14.